

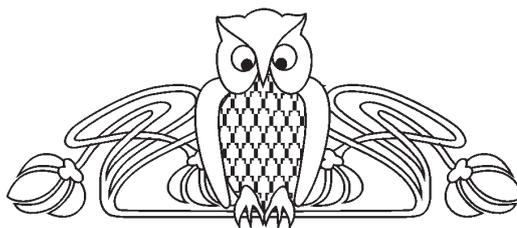

УДК 821.161.1.09-32+929Ильф

ПОЭТИКА НОВЕЛЛЫ И. ИЛЬФА «ПОВЕЛИТЕЛЬ ЕВРЕЕВ»

К. С. Поздняков

Самарский государственный социально-педагогический университет
E-mail: korozdnyakov@yandex.ru

В статье рассматривается поэтика впервые опубликованной в 2003 г. новеллы И. Ильфа «Повелитель евреев». Рассмотрение образной системы текста и особенностей художественного высказывания позволяет сделать вывод о значимости «Повелителя евреев» как своего рода пратекста для произведений И. Ильфа и Е. Петрова.

Ключевые слова: новелла, сюжет, поэтика, герой-повествователь, речевой жанр, афоризм, текст.

Poetics of I. Ilf's Novella *The Master of the Jews*

K. S. Pozdnyakov

The article considers the poetics of the novella *The Master of the Jews* by I. Ilf first published in 2003. The author considers the image system of the text and the features of the artistic statements, which allow to draw the conclusion about the significance of *The Master of the Jews* as a praetext of the kind for the works of I. Ilf and E. Petrov.

Key words: novella, plot, poetics, hero-narrator, speech genre, aphorism, text.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-79-82

Новелла И. Ильфа «Повелитель евреев» была впервые опубликована в 2003 г. Рассмотрение художественных особенностей этого произведения позволяет по-новому оценить самостоятельное творчество писателя, которого традиционно воспринимают лишь как часть дуэта «Ильф и Петров». «Допетровский» период творчества Ильфа вовсе не так однотипен, как об этом пишет, например, Л. Яновская. Сравнивая самостоятельное творчество будущих соавторов, исследовательница отмечает:

«Е. Петров любит сюжет. Юмористический и сатирический материал в его рассказах обычно организован вокруг действия или смены ситуаций («Беспокойная ночь», «Встреча в театре», «Давид и Голиаф» и др.).

Ильф же стремится воплотить свою сатирическую мысль в острой комической детали, иногда вместо сюжета и действия выделяя смешное сюжетное положение <...>

Рассказы Петрова насыщены диалогами. У Ильфа вместо диалога – одна или две реплики <...>

Эти столь разные особенности дарований молодых писателей, соединившись, дали одно из самых ценных качеств совместного стиля Ильфа и Петрова – сочетание увлекательности повествования с точной отделкой каждой реплики, каждой детали»¹.

Однако именно в ранних, отчасти экспериментальных рассказах Ильфа находится место и увлекательности, и хорошо продуманному сюжету. При чтении первых сохранившихся сочинений Ильи Арнольдовича бросается в глаза сходство с Бабелем. Повествователь во многих рассказах обильно использует специфическое построение фразы, ставшее известным в отечественной литературе именно благодаря «Одесским рассказам». В произведениях «Галифе Фени-Локш», «Антон «Половина-на-половину»», «Зубной гармидер» встречаются следующие выполненные в манере Бабеля высказывания: «Чтоб я так дышала, если это вам не подойдет»²; «Миша, мы из него сделаем пепельницу для твоей курящей мамы»³; «Вы тут не хаюйте, это вам не Привоз!»⁴. Сказывается и происхождение Ильфа, и его пристальные наблюдения за речевыми жанрами Одессы. Казалось бы, описание уголовного мира или соответствующий жаргон можно ожидать от Петрова, ведь именно он работал агентом угрозыска, не понаслышке зная представителей специфического мира Молдаванки, района, в который не всякий осмеливался заглянуть. «Молдаванка была отделена от центра города улицей под названием Старо-Портофранковская, в XIX веке являвшейся сухопутной границей беспрошленной зоны и продолжавшей считаться чем-то вроде границы вплоть до советских времен. По сей день считается, что если вы пересекли эту улицу, лучше не заходить дальше, в обширный район <...>, где уличная жизнь, пожалуй, круче, чем на центральных проспектах»⁵.

Ни в одном из ранних произведений Петрова «одесский» след не обнаруживается. В то время как для Ильфа одесская сема остается весьма значимой во всех его произведениях. Проявившись в раннем творчестве, она переходит в романы с образом Остапа Бендера (Ч. Кинг отмечает, что слова Бендера о том, что он читает уголовный кодекс, «могут послужить неофициальным девизом Одессы в эпоху пришествия советской власти»⁶), а потом всплывает в рассказе «Блудный сын возвращается домой» и в последнем, так и не законченном произведении о захвате родного города римскими легионерами.

Ранние, «одесские» рассказы Ильфа написаны блестяще, здесь масса остроумных словосочетаний, и даже коронная фраза Паниковского обнаруживается в одном из таких произведений:

«Я вас всех еще куплю и продам»⁷, – заявляет Антон Половина-на-Половину из одноименного текста. Мастерство Ильфа сполна проявляется в новелле «Повелитель евреев».

О кропотливой работе над текстом этого произведения и о том, что сам Ильф считал эту новеллу удачной, свидетельствуют два документально подтвержденных факта. Во-первых, у «Повелителя евреев» есть первый вариант под названием «Мармеладная история», воспринимающийся как конспект будущего произведения. То, что Ильф, вечно призывавший Петрова вычеркивать неудачные моменты и больше о них не вспоминать, нашел в себе силы «вернуться» и завершить начатое, уже говорит о многом. Во-вторых, именно эту новеллу начинающий прозаик приложил к письму своей будущей жене Марии Тарасенко со следующим сопроводительным текстом: «Вот рассказ, который вышел рассказом о нас. О тебе и обо мне. Если он тебе понравится, я буду этому очень рад»⁸.

Думается, что в жанровом отношении «Повелителя евреев» можно отнести к новелле. В финале произведения точно соблюдается закон пуанты, поскольку «долгоносый старик с длинными глазами», над которым больше всех поиздевался главный герой во время своей поездки, в итоге оказывается отцом его невесты:

«– В тот день, когда ты приехал, возвратился домой мой папа. Если ты хочешь, мы можем сегодня пойти к нему. Он будет очень рад видеть тебя, хотя очень утомлен дорогой. Всю дорогу он не спал.

– Почему же он не спал? – рассеянно спросил я.

– К нему пристал какой-то чекист и для своей забавы заставил его всю дорогу читать Библию.

– Сегодня? – Я пошел в угол комнаты. – Сегодня? Нет, сегодня я занят и не смогу»⁹.

Как отмечает Е. Курганов, «закон пуанты был легко и естественно переброшен с территории анекдота на территорию новеллы. Принципиальных изменений при этом не произошло. Просто с расширением пространственной протяженности текста структура последнего приобрела некоторую рыхлость, появилась тенденция к расцветке сюжетного ядра»¹⁰. Новеллы, в которых пуанта выходит на первый план, исследователь определяет как «новеллу-анекдот», и первый вариант «Повелителя евреев», «Мармеладная история», в жанровом отношении соответствует данному обозначению. Текст предельно сжат и сориентирован на эффектный финал: момент узнавания героем того, что всю дорогу он, играя роль чекиста, мучил своего будущего тестя. По сравнению с «Мармеладной историей» «Повелитель евреев» более детализирован и многозначен, пуанта анекдота явно отходит на второй план, позволяя определять текст как новеллу.

Стоит отметить, что, помимо одесского и еврейского колорита, в новелле «Повелитель

евреев» заложены те основные черты образной, поэтической системы Ильфа, которые и принесли соавторам заслуженную популярность. И странно, что до сих пор ни в одном исследовании связь между «Повелителем евреев» и зрелым корпусом текстов Ильфа и Петрова не была даже упомянута.

В центральном персонаже новеллы, наряду с автобиографическими, отчетливо угадываются черты Остапа Бендера. Сама ситуация напоминает «Ревизора» Гоголя, с той только разницей, что Хлестаков долго не мог понять всей выгоды своего положения, толком не сумел им воспользоваться, играя роль проверяющего не нарочно. Герой-повествователь из новеллы Ильфа действует расчетливо, вполне в духе Бендера: услышав, что его приняли за чекиста, погубившего и расстрелявшего сотни людей, он использует это обстоятельство, заставляя мнительных евреев-мебельщиков исполнять все его желания. В общем-то, перед нами основная стратегия Бендера, представленная в диалогии соавторов множеством вариантов. Даже лиризм, свойственный последней главке «Повелителя евреев» и не стыкующийся с образом Остапа из «Двенадцати стульев», впоследствии появится в заключительных главах «Золотого тельца». Иля (так зовут героя-повествователя в «Повелителе евреев» и именно так называли Ильфа близкие люди) возвращается в родной город (Одессу) к любимой девушке Вале. В романе Остап тоже вернулся в Черноморск (редкий исследователь не указывал на то, что Черноморск – это и есть Одесса) к Зосе. И в первом варианте «Золотого тельца» возвращение, как и в «Повелителе евреев», приводит к гармонии – Бендер женится.

Умение Остапа находить общий язык с каждым персонажем, жонглировать речевыми жанрами, выступая в разных ролях, тоже происходит из «Повелителя евреев». Мебельщики специально переходят на еврейский жаргон, чтобы мнимый чекист не понял, что его узнали, но герой прекрасно понимает речь попутчиков и захватывает власть при помощи фразы «Евреи, кажется, сейчас пойдет дождь!»¹¹, произнесенной на жаргоне. Ю. К. Щеглов указывает на демоническую природу образа Бендера¹², а владение языками и ораторским искусством устойчиво ассоциируется в фольклоре с дьяволом. Тем более, что для мебельщиков герой играет роль чекиста, настоящего исчадия ада. В первой редакции произведения из уст Или звучала и совершенно «бендеровская» фраза: «Мне скучно, – сказал я. – Расскажите что-нибудь веселое. О сотворении мира и вообще всю библию»¹³. «Веселая библия» – типичный для ильфовских текстов оксюморон. Кроме того, в соавторстве с Е. Петровым И. Ильф пародийно переосмыслил несколько библейских сюжетов (глава «Каин уволил Авеля» из повести «Светлая личность»; рассказы «Васисуалий Лоханкин» и «Пролетарий чистых кровей» из цикла «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска»), поэтому можно сказать, что проект «Весе-

лой библии» был в какой-то степени реализован впоследствии.

Еще одна, многожды оговоренная всеми исследователями, черта поэтики произведений Ильфа и Петрова – это афористичность их художественного высказывания. П. Вайль и А. Генис, рассказывая о юморе «шестидесятых», так характеризуют особенности восприятия переизданной дилогии Ильфа и Петрова:

«Воскрешенные романы 30-х годов – “Двенадцать стульев” и “Золотой теленок” не воспринимались как цельное повествование с сюжетом и композицией, а “с легкостью разменивались на десятки и сотни афоризмов...; они растаскивались на цитаты-блоки, цитаты-кирпичики...”. Поднаторевший в Ильфе и Петрове человек мог практически на любую тему объясниться с помощью цитат из этих книг»¹⁴.

Афористичность стиля Ильфа сполна отразилась в «Повелителе евреев»: «Нет ненависти, которая бы не превратилась в воспоминание»¹⁵; «Жара делает людей резкими на суждения и опрометчивыми в поступках»¹⁶; «ценность вещи зависит от того, кто ею владеет»¹⁷. Ничего подобного в рассказах Петрова не обнаруживается, такой способ формулировать свои мысли Катаев-младший перенял у Ильфа – это заметно и по записным книжкам Евгения Петровича, и по его запомнившимся современникам метким фразам, сказанным уже после смерти соавтора. Но нельзя недооценивать и заслуги Петрова, судя по всему, именно он добивался избавления от нагромождения не всегда оправданных метафор и эпитетов, которых еще достаточно много в «Повелителе»: «На пароходах разбивали склянки, и бродившие на окраинах собачьи стада задавленно и хрипло кричали “ура”».

Когда **зеленый коралл, стоявший против окна**, от утреннего света снова **стал деревом...**¹⁸. Подобная ритмизованная манера художественного высказывания, напоминающая о первых поэтических опытах Ильи Арнольдовича в одесском «Союзе поэтов», уместно смотрелась бы в модернистском тексте, но не в сатирическом романе или новелле-анекдоте. Во многих ранних текстах Ильфа ощутимо влияние орнаментальной прозы, полностью отсутствующее в первых произведениях Е. Петрова.

Фольклорный и мифологический подтекст, который Ю. К. Щеглов обнаруживает в дилогии Ильфа и Петрова¹⁹, присутствует и в «Повелителе евреев». Поездка на поезде воспринимается героем как движение по кругу. Таким образом, Иля попадает в замкнутое время повторяющегося сюжета. Во сне, который герой видит в вагоне, его убивает неизвестный, после чего молодой человек просыпается, пройдя своеобразную инициацию и одновременно обретая новые функции как персонаж. Именно после пробуждения Иля начинает внимательно слушать мебельщиков, описывающих свою продукцию в стиле, напомнившим

герою-повествователю Гомера. Сравнение не только демонстрирует иронию Ильфа, но и имеет значимый подтекст. Э. Ауэрбах в монографии «Мимесис» противопоставлял эпическим поэмам Гомера мир библейских сказаний: «Героя Гомера может изменить, причем лишь внешне, только время, и эти изменения остаются почти незаметными, тогда как герои Ветхого Завета в любую минуту могут ожидать, что тяжелая десница Бога опустится на них, ибо Бог не только создал и избрал их, но и неотступно пересоздает их, он гнет их, подчиняя своей воле»²⁰. В рамках «Повелителя евреев» оба мира сталкиваются, сопровождаясь традиционным для Ильфа как поклонника Рабле добавлением «низкого» начала.

Детально описывается не только мебель, так же подробно, в духе Гомера, мебельщики и мануфактурщица рисуют деяния «чекиста», не скупясь на подробности и детали, среди которых достаточно места отводится откровенно смехотворным (в духе черного юмора) подробностям, разрушающим картину великого, исключительно злодеяния: «...я не щадил даже детей. Я душил их двумя пальцами правой руки. А левой рукой я стрелял из револьвера, и пули, выпущенные мною, попадали в буфеты, сделанные из дорогого лакированного ореха, и вырывали из них щепки»²¹. Именно детальное «гомеровское» описание заставляет мебельщиков уверовать в то, что Иля и есть тот самый чекист, про которого они насочиняли историй. Персонажи, как и Городничий с компанией, становятся жертвой аутосуггестии.

Вера мебельщиков вызывает к жизни фигуру, подобную ветхозаветному, карающему Богу, превращая Илю в повелителя евреев, чекиста. Свою «тронную речь» он произносит перед дождем под раскаты грома. Реальная гроза параллельна грозе метафорической, обрушившейся на мебельщиков. Еда, добываемая для Или на каждой станции, воспринимается как жертва, а идущие фоном истории из Ветхого Завета играют роль сакральных слов заклинания при свершении обряда. Рассказы долгоносого старика рождают в воображении героя картины – это тот самый процесс рецепции, инспирированный Ветхим Заветом, на который и указывалось в «Мимесисе» Э. Ауэрбаха: «Итак, если библейский рассказ уже по своему содержанию нуждается в истолковании, то его притязания на господство еще больше усиливают эту потребность. Он стремится не заставить нас на несколько часов позабыть о нашей собственной действительности – что происходит с нами при чтении Гомера, – а поработить нас: мы должны включить в мир сказания нашу действительность и нашу собственную жизнь, должны почувствовать себя кирпичиками всемирно-исторического здания, им возведенного»²².

Библейское слово заставляет реципиента продуцировать ассоциативные и интерпретирующие картины в своем воображении, что и происходит с Илей, включившим в свою действительность

мир сказания. Разрушение границ между реальностью и мифологией («...Даниил опять кричал и плакал. Во рту его были земля и песок, и песок и земля были во рту мебельщика, когда крича и плача, он рассказывал мне про несчастья Даниила»²³) приводит к снятию барьеров между явью и сном. Герой засыпает, а очнувшись, понимает, что наконец приехал, и его подданные поспешили удрасть. Очередной сон можно истолковывать как обратную инициацию, после которой персонаж теряет приобретенные функции повелителя.

Насыщение главного героя новеллы едой на фоне чтения Ветхого Завета – ярчайший пример совмещения в рамках одного текста высокого и низкого, ставшего устойчивой чертой поэтики совместных произведений Ильфа и Петрова. Внимание к плотскому началу проявилось и в поэтике романа «Зависть» Олеси, что было отмечено В. П. Скобелевым: «...интерес (повествователя. – К. П.) сосредотачивается на эпически наглядных подробностях: тут и перечисление продуктов, и описание процесса насыщения»²⁴. Таким образом, помимо пуанты, пришедшей из анекдота, в «Повелителе евреев» присутствуют отсылки к фольклору, Ветхому Завету, гомеровскому эпосу, появляется на страницах новеллы прообраз Остапа Бендера.

Можно с уверенностью сказать, что многоуровневая семантика совместных произведений Ильфа и Петрова происходит из их ранних произведений, давно заслуживших нового прочтения и скрупулезного литературоведческого анализа. Тогда, помимо отмеченных Ю. К. Щегловым, Я. С. Лурье и другими исследователями творчества соавторов интертекстуальных связей, несомненно, обнаружатся элементы поэтики, сделавшие художественное высказывание Ильфа и Петрова узнаваемым и оригинальным.

Примечания

- ¹ Яновская Л. Почему вы пишете смешно? Об И. Ильфе и Е. Петрове, их жизни и их юморе. М., 1969. С. 21.
- ² Ильф И. Галифе Фени-Локш // Ильф И. Дом с кренделями. М., 2009. С. 41.
- ³ Ильф И. Антон «Половина-на-половину» // Там же. С. 43.
- ⁴ Ильф И. Зубной гармидер // Там же. С. 47.
- ⁵ Кинг Ч. Одесса: величие и смерть города грез. М., 2014. С. 136–137.
- ⁶ Там же. С. 202.
- ⁷ Ильф И. Антон «Половина-на-половину». С. 44.
- ⁸ Цит. по: Ильф А. Илья Ильф, или Письма о любви. М., 2004. С. 174.
- ⁹ Ильф И. Повелитель евреев // Ильф И. Дом с кренделями. С. 63.
- ¹⁰ Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 42.
- ¹¹ Ильф И. Повелитель евреев. С. 60.
- ¹² См.: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. М., 2009. С. 104–105.
- ¹³ Ильф И. Мармеладная история // Ильф И. Дом с кренделями. С. 54.
- ¹⁴ Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М., 2001. С. 150.
- ¹⁵ Ильф И. Повелитель евреев. С. 57.
- ¹⁶ Там же. С. 58.
- ¹⁷ Там же. С. 60.
- ¹⁸ Там же. С. 62.
- ¹⁹ См.: Щеглов Ю. Указ. соч. С. 42–51.
- ²⁰ Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М.; СПб., 2000. С. 21.
- ²¹ Ильф И. Повелитель евреев. С. 59.
- ²² Ауэрбах Э. Указ. соч. С. 18.
- ²³ Ильф И. Повелитель евреев. С. 61.
- ²⁴ Скобелев В. Поэтика русского романа 1920–1930-х годов. Очерки истории и теории жанра. Самара, 2001. С. 139.

Образец для цитирования:

Поздняков К. С. Поэтика новеллы И. Ильфа «Повелитель евреев» // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 79–82. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-79-82.

Cite this article as:

Pozdnyakov K. S. Poetics of I. Ilf's Novella *The Master of the Jews*. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 79–82 (in Russian). DOI: 10.18500/1819-7663-2017-17-1-79-82.